

УДК 94

Хисамутдинов А.А.

Русские в Америке: проблемы адаптации

The Russians in America: problems of adaptation

Рассматривается деятельность русской (российской) диаспоры на тихоокеанском побережье США: дается ее социальная структура и характеристика.

Ключевые слова: *российская эмиграция, тихоокеанское побережье США, социальная структура, русская культура, адаптация*

The article describes the history of the Russian Diaspora in the Pacific coast of the USA and gives its social structure and characteristics.

Key words: *Russian emigration, Pacific coast of the USA, social structure, Russian culture, adaptation*

Эмиграция или иммиграция не есть безмятежный переход от вчера в завтра, это результат потрясения, болезненной оторванности от родного пласта и примыкания к чуждому. Если для первой волны (до 1917) были более характерны экономические мотивы, которые примирили человека с непривычной обстановкой, то иммиграция второй (1917 – 1941) и третьей волн (1945 – 1960-е) была борьбой за существование, попыткой после катастрофы построить новую жизнь, вернуть благосостояние.

По социальному составу взрослое население русской диаспоры делилось на пять основных категорий: студенты, бывшие военные, деятели искусства и интеллигенция, аристократия и люди, занимавшие высокое положение на родине, мелкие служащие и квалифицированные рабочие. Все они по-разному вписались в жизнь Америки. Лучше других устроились в США студенты. Несмотря на финансовые трудности и проблемы с языком, многие из них смогли закончить учебные заведения, сделать хорошую карьеру и добиться благополучия. Неплохо также жили мелкие служащие и квалифицированные рабочие. Эти люди, морально подготовленные начать все с нуля, пополнили средний класс и даже выиграли в США, где уровень заработной платы и стандарты жизни были значительно выше, чем в России. Из представителей ин-

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-И-П25-01, а также Grant in – Aid for Scientific research (21251013)(A). Cultural Adaptation to the Natural and Social Environment in the Forest Areas in the Russian Far East (Roshia kyokuto shinrin chitai ni okeru bunka no kankyo tekio).

теллигенции, в том числе деятелей искусства, наиболее удачно устроились инженеры и врачи, сумевшие подтвердить свои дипломы или пройти переаттестацию. Именно эта группа прежде всего явилась для американцев носителем русских традиций, культуры и искусства.

Сложнее других в США пришлось людям с военным прошлым: сказывалось отсутствие профессиональных навыков, пережитые трагедии, неврозы, психологическая надломленность. Окружающие, даже русские, часто не понимали их проблем. Представители этой группы в США в основном занимались физическим трудом: работали уборщиками или разнорабочими на заводах. Для многих были характерны пьянство и семейные трагедии, приводившие порой к самоубийству. Судьбу военных во многом разделили и известные деятели администрации, которые занимали высокое положение в России, а также члены аристократических фамилий. В основном, они жили прошлым, создав духовный барьер между собой и окружающим миром.

Подавляющему большинству россиян было свойственно разочарование. Над ними довлели воспоминания о пережитом, но вместе с тем имелося желание добиться успеха на новом месте. Легче других было реалистам, которые без особой драмы продолжили жизнь в новых условиях [5]. Для помощи новым иммигрантам в США в 1913 г. был образован Международный (Интернациональный) институт, где имелся русский отдел. Отделения Института, среди сотрудников которого были и русские, открылись в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других крупных городах США [16]. Он работал в тесном контакте с иммиграционными властями и благотворительными организациями. Русским иммигрантам предоставлялись бесплатные консультации, помощь в поисках работы, в адаптации, принятии гражданства, изучении языка, а также в сохранении собственной культуры. Для этого Институт регулярно устраивал "Праздник всех национальностей", предоставлял помещения для национальных клубов и пр. Помогая вновь прибывшим сохранить собственную культуру, организация ставила также целью познакомить с новой культурой американцев [2].

Всех русских иммигрантов можно было разделить на два основных типа. Одни предпочитали как можно быстрее приспособиться к американскому образу жизни и, оставив свои национальные особенности и привычки, слиться с американцами. Другие, напротив, боялись чужой земли и непривычных нравов и старались придерживаться круга бывших соотечественников. Если в первой группе превалировали лица, не испытывающие потребности в моральной поддержке своей общины, то для второй было характерно тесное сближение с соотечественниками внутри одной общины или национальной группы. Нередко русские общины превращались в совершенно замкнутые группировки, говорившие только на русском языке и жившие чисто русской жизнью. Для них американская действительность была скорее киноэкраном. Между этими диаметрально противоположными тенденциями имелись и промежуточные.

В общине наблюдался постоянный процесс приспособления отдельных индивидуумов к новой жизни, постепенная потеря ими связи со своей национальностью и прошлым. Как только группа начинала тормозить их развитие, она становилась им просто неинтересна. Если же некоторые и возвращались к ней, то это в большей степени было вызвано сентиментальностью и воспоминаниями. Исторический опыт показал, что полное отчуждение отдельных иммигрантов от своей общины было ошибкой. Человек не может зачеркнуть свое прошлое, выбросить из него переживания, в том числе и вызванные событиями, приведшими к эмиграции. Но если пренебрежение общиной и отказ от прошлого

приводил к обеднению внутреннего мира, то стремление к объединению под национальным флагом лишало человека возможности лучше узнать новую страну, привыкнуть к ее особенностям. Лишь умение приспособиться к различным условиям могло помочь человеку наладить жизнь на чужбине.

Болезненность первых испытаний, выпавших на долю русских в США, привела к тому, что большинство людей предпочли идти по пути наименьшего сопротивления. Это касалось и языка, и многих других аспектов повседневной жизни. Жизнь в Америке оказалась более разнообразной, чем в разбитой на классы России. Демократичность, энергичность, активное участие в жизни страны и интерес к окружающему миру были присущи каждому американцу. Те из вновь прибывших, кто не проявлял такого "американского интереса к жизни", поневоле изолировались и замыкались в своей среде. Это было замечено и американцами: "Склонность русской колонии, или, вернее, многих русских, держаться в стороне от всего американского, жить отдельно и отказываться признаться самим себе, что они следуют по линии наименьшего сопротивления, т.к. "своими ловчее", может непоправимо повредить русскому престижу в Америке..." [4] Американцы также рассуждали: "Русские не умеют вести непринужденные, дружеские и цивилизованные отношения с нами, людьми доброжелательными и воспитанными. Чтобы ни говорилось, мы все-таки хозяева этой страны. В них, по-видимому, нет достаточного такта, чтобы понять, что известный декорум должен быть соблюден. В лучших случаях они позволяют нам присутствовать на своих развлечениях, где они веселятся по-своему и требуют, чтобы мы полностью всецело подчинялись их чуждым для нас обычаям и приемам. Вообще же они чуть не подчеркивают, что мы для них "безразличны" [4]. Несколько по-другому вела себя молодежь, которая стремилась к деятельному общению со своими американскими сверстниками (Собр. А.А. Хисамутдинова. Интервью с В.В. Шкуркиным (Беркли, США 1997)).

Между тем, многочисленные возможности, которые предоставляла Америка, создавали весьма благоприятные условия для предприимчивых людей, тем более, что желание завоевать место под солнцем было характерно для многих иммигрантов. Другой предпосылкой для успешной жизни в Америке, создания мостика между прошлым и будущим, являлись не формальная принадлежность к русской национальности, в которой привычки вырабатывались в соответствии со вкусами, темпераментом и характером данной группы, а личная культура, собственный уклад жизни и индивидуальная психология [17, р. 176]. Поэтому для культурных людей был закономерен активный интерес к окружающему миру и взаимоотношение с другой культурой. При знании как американской, так и русской культур они стремились сохранить свою индивидуальность. Это стремление создать собственную атмосферу в условиях культурного обмена можно считать наиболее важным аспектом жизнедеятельности каждого русского американца.

Русские пришли в Америку не с пустыми руками, они принесли с собой потенциальные возможности. Некоторые особенности русско-американской жизни убедительны и симпатичны. Теплота русской семейственности отличается от формальной любезности американцев. Русская манера стремиться, чтобы все чувствовали себя как дома, не укладывается в формальные правила приличия. Выразительность и живописность русского языка иногда звучит и в английском языке. Русская музыкальность находила выражение в музыкальных произведениях американцев. Русская хлебосольность, пасхальные и именинные праздники с традиционным застольем и радушием хозяев казались

привлекательными многим американцам. Правда, русский обычай встречать гостей пельменями, блинами с икрой и другой обильной закуской многих поражал и озадачивал, из-за чего некоторые семьи отказывались от такого способа устраивать застолье, но это скорее можно считать исключением (**Собр. А.А. Хисамутдинова. Интервью с Э.М. Люри-Визвел, Гонолулу, США, 1994 – 9; с В.Н. Осиповым, Гонолулу, США, 1996**). Многие же русские обычаи настолько органично вошли в американскую жизнь, что нынешние их носители даже не задумываются о первооснове.

Русские в Америке всегда были озабочены сохранением национальной культуры [11]. "Русская жизнь" писала: "В те же самые беспросветные для русской культуры времена русские эмигранты, все потерявшие, рассеянные по всему миру, унесли в своих сердцах и мыслях духовное творение – единственное наследие Обездоленной Родины. И не было странным, если в их пустых, дырявых карманах вместе с залежавшимися крошками солдатских сухарей находились бережно сохраненные томики Пушкина, Блока или других любимых поэтов. И, едва успев осесть в непрочных местах их скитаний, едва успев заработать тяжелым трудом первый кусок хлеба, они начинают восстанавливать по кусочкам духовные ценности, которыми жили они на Родине. Создаются литературные и театральные кружки, культурные объединения, уже звучат первые стихи зарубежных поэтов, открываются выставки русского искусства, издаются первые, еще тоненькие книжечки, звучит русская музыка, ставятся в подвалах, в сараях и на чистом воздухе русские пьесы, пишутся ученые труды высокой ценности, вырастают на чужих, иноверческих землях православные храмы" [9].

Выходцев из России беспокоило, в какой мере необходимо сохранять свою русскость, свои национальные особенности, нужно ли передавать русские традиции последующему поколению, не помешает ли это новой жизни в Америке. Эти вопросы вызывали внутренний конфликт у многих русских иммигрантов, особенно интеллигенции, тем более, что в США они столкнулись с совершенно другим проявлением культурных особенностей, чем у себя на родине [18, p. 655]. Несмотря на то, что в Америке, как и в России, имелось несколько уровней культуры: городская, фермерская, этническая и т.д., для России была характерна развитая классовая культура, в США такого разделения не существовало, в России национальная культура проявлялась в огромном разнообразии аспектов, в эмиграции могли получить развитие лишь отдельные. К тому же американские формы культуры отличались от российских. Эти особенности приходилось учитывать всем этническим группам выходцев из России. За рубежом сравнение или сопоставление различных уровней и проявлений культурной жизни ставило – и продолжает ставить – каждого перед выбором [12, с. 128 – 129].

Огромную роль в жизни русской диаспоры играл русский язык. Именно по этому признаку в наибольшей степени происходила самоидентификация русских американцев. При переписи в США 1940 г. из 1 040 884 бывших жителей России русский язык назвали родным только 356 940 человек. К ним надо добавить и 214 160 лиц, родившихся в Америке, но также назвавших русский язык родным. Были и 13 980 человек, которые указали, что их родители родились в Америке, но родным языком они считают все-таки русский [15].

Можно выделить несколько путей воспитания русских детей в США по отношению к родному языку. Наиболее характерный предусматривал воспитание ребенка в свободном режиме, но дома все говорили по-русски, соблюдали российские обычаи, и родители регулярно ходили в церковь. В этом случае дети, пользуясь предоставленной свободой, ча-

сто теряли контакт с родителями и в присутствии сверстников стеснялись разговоров по-русски. Приверженцы второго пути рассуждали: я – русский эмигрант и несчастный человек, потерявший Родину. Чтобы мои дети не были несчастными, их нужно воспитать в американском духе.

"Русская дама, – писал П.В. Шкуркин о таких родителях, – заявляет: "Мы в семье принципиально не выписываем ни одной русской газеты и русских книг не читаем. Мы – демократы..." Другая дама просит: "Пожалуйста, в моем доме не говорите по-русски. Мой муж не любит русского языка, и потому своему сыну я не позволяю играть с русскими детьми". Мы в яме. Глубоко. В ней вонь, мерзость, грязь, смрад, гной" (**Архив Музея русской культуры, коллекция Русско-го исторического общества. Коробка 4. Письмо В.П.Шкуркина А.П.Фарафонову (13 дек. 1938, Сиэтл)**). В таких семьях говорили только по-английски. Однако, дети, вырастая, чувствовали внутреннее противоречие родителей, что также приводило к утрате духовной связи с ними. Был и третий путь, к которому призывали русские педагоги в Америке. "Русская семья должна воспитать ребенка в своем духе, передать ему все те духовные ценности, которыми она обладает. А когда у ребенка будет создан прочный моральный фундамент, не препятствовать его восприятию иностранной культуры" [13].

Газета "Новая заря" отмечала: "Первые эмигранты, за редким исключением, не воспитали своих детей русскими. Их дети получили хорошее образование, но не интересовались Россией, и многие даже изменили свои русские фамилии. Следующее поколение ассимилировалось на сто процентов, т.е. полностью растворилось среди местного населения. Вторая эмиграция (после 1945 г. – А.Х.), не обладающая высоким культурным уровнем, идет по той же дорожке ассимиляции" [6].

Конфликты между детьми и родителями были характерным явлением, с которым столкнулись выходцы из России. "Знаете ли вы, любезный читатель, – писала та же "Новая заря", – что значит быть настоящей эмигранткой? Это значит, что вы потеряли не только свое отечество, но и всех своих родных и, оставшись в чужой стране с единственной своей дочерью, всей вашей надеждой в жизни, которая презирает вас на все 100%, в конце концов, вы одинокая и всеми брошенная умираете в чужом доме" [8]. Идеальный крах после гражданской войны привел не только к потере иллюзий, но и права на определенную жизнь, что нередко выливалось в семейные конфликты. Личная драма лежала в основе многих самоубийств, уровень которых среди русских в Америке был выше, чем в других этнических группах [3]. Это не могло не отразиться на детях. Существовавшее в русской диаспоре крайне негативное отношение к смешанным бракам еще больше отделяло детей от родителей [1]. Сотрудники Американского комитета помощи русским эмигрантам отмечали: "Русские здесь склонны хранить тесные семейные устои – особенно в больших семьях, где есть всех родов тети, дяди по крови, по браку, кузины и кузены. Сплоченность такой семьи обеспечивает большой контроль над ее отдельными членами. В результате высоко развито чувство чести. На детей оказывается большой нажим. Но дети – неперемные участники всех семейных сборищ и приемов в знакомых семьях. Очень редко, когда знакомые говорят: "Наш прием только для взрослых" [10].

Одной из проблем русской диаспоры были те изменения, которым подвергался русский язык в чужой стране. Известные филологи зарубежья подчеркивали, что угроза языку существовала в лексическом, фонетическом, этимологическом и синтаксическом аспектах. По их мнению, язык денационализировался, хирел и беднел, утрачивая живой

и творческий дух, превращаясь в техническое средство практического значения. Причиной этого стала жизнь в чужой стране, а также пренебрежение старыми правилами речи. "Сотни тысяч русских представителей интеллигенции оказались оторванными от родины и были брошены в чужеродную среду – совершенно иных культурных вкусов и навыков, материальных, социальных и политических условий, а главное – другого языка, а, следовательно, и всего духовного содержания. Это тесное, вот уже третье десятилетие, продолжающееся сожительство эмиграции с иноязычным миром заметно сказалось на многих сторонах эмигрантской жизни, особенно же на языке. А ведь язык это не только свидетельствовал, но и был орудием культуры. Это мощный выразитель глубоко народного духа и самосознания. Поэтому-то опасность, угрожающая нашему языку в эмигрантской среде, должна вызывать нашу общую тревогу и укреплять нашу заботу о борьбе с этой опасностью" [14].

В русском языке, который используют на чужбине, более всего поражает обилие разноязычных слов и оборотов – гораздо больше, чем при обычном заимствовании. Особенно много в русскую речь входило искаженных англоязычных слов и оборотов. К примеру, в среде американцев русского происхождения можно было слышать "схватил автобус" вместо "сел в автобус". Под неизбежным влиянием среды некоторые слова выходили из употребления и забывались, но, с другой стороны, приобретались черты чужого языка. Произношение некоторых характерных букв русского алфавита (и, е, л и др.) теряло свою особенность, подпадая под правила чужой фонетики. Несмотря на то, что сохранение русского языка было одной из задач, которые несла русская печать в Америке, в газетах давалась реклама с сильным искажением русского языка. Даже цитаты из русских классических произведений, которые были усвоены еще в детстве, публиковались порой с искажениями.

Среди путей сохранения русского языка было приглашение русскими общинами деятелей культуры и искусства из других стран. Особенно активной в этом деле была православная церковь. При всех проблемах, которые испытывали общины в связи с русским языком, русские американцы с гордостью подчеркивают, что именно они сохранили в чистоте русский литературный язык. В большей степени это верно в отношении слов, которые появились с приходом советской власти. В периодической печати неоднократно публиковались статьи в защиту русского литературного языка от всякого рода "советизмов" [7].

Литература

1. В.К. Русское зарубежье // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1983. 2 сент.
2. Грилл Ю. Международный институт в Лос-Анджелесе: (Беседа с Т.С. Ламбриной) // Новая заря. Сан-Франциско, 1941. 27 нояб.
3. Грот Е. Мы // Рус. новости. Сан-Франциско, 1938. 16 сент.
4. Мак-Гвайер А. Друзья-американцы // Рус. жизнь. 1947. 18 янв.
5. Мак-Гвайер А. Старшее поколение русской эмиграции в Америке // Рус. жизнь. 1946. 15 нояб.
6. Назаров С.И. Три эмиграции // Новая заря. 1966. 28 июня.
7. Осипов А. Мысли вслух о современном русском литературном языке // Рус. жизнь. 1982. 22 сент.

8. Остренко А. Настоящие эмигрантки: (Мысли читательницы) // Новая заря. 1941. 28 мая.
9. Правление. Праздник сорокалетней деятельности Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско // Рус. жизнь. 1962. 21 апр.
10. Работники призрения о русской иммиграции // Новая заря. 1966. 15 февр.
11. Раев М. Россия за рубежом: Ист. культуры рус. эмиграции, 1919 – 1939: Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
12. Русская женщина в эмиграции: Лит.-художеств. кружок в Сан-Франциско и в Берклее, 1922-1970. Вашингтон, 1970.
13. Селивановский В. Русская эмиграция и американизм // Рус. жизнь. 1954. 12 мая.
14. Федоров Н. Эмигрантский язык // Новая заря. 1941. 17 мая.
15. Флис-Коммон Каунсил. Последняя перепись показывает уменьшение населения иностранного происхождения // Новая заря. 1942. 31 окт.
16. Хейз А. "Праздник всех национальностей" (в Сан-Франциско) // Рус. жизнь. 1951. 18 окт.
17. Davis, Jerome. The Russian immigrant. NY: Macmillan, 1922. xi, 219 p.
18. The Slavonic (and East European) Review. A Survey of the Slavonic peoples, The History, Economics, Philology and Literature. V. 17. School of Slavonic and East European studies in the University of London, 1939. 731 p.